PG
3453
B6S4

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322764 2

Александр Блок

Незнакомка

Стихотворения

«Алконост»

115.—

422/1378

Настоящее издание печаталось в 15-ой Государств. тип., Звенигородская, 11, в количестве 10.000 экземпляров, из коих 5.000 экземпляров на веленевой бумаге. Обложка работы А. Н. Лео, марка Ю. П. Анненкова.

Blok, Aleksandr Aleksandrovich

Александр Блок

Sedoe utro

Седое Утро

Стихотворения

«Алконост»
Петербург
1920

LIBRARY
FEB 12 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3453
B654

ГОЛОС ИЗ ХОРА.

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнию своей!
О, еслиб знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Все будет чернее страшный свет,
И все безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия!..

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте жь довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, еслиб знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

1910—1914.

Стучится тихо. Потом погромче.
Потом смеется.
И смех все ярче, желанней, звонче,
И сердце бьется.

Я сам не знаю,
О чем томится
Мое жилье?

Не сам впускаю
Такую птицу
В окно свое!

И что мне снится
В моей темнице,
Когда поет
Такая птица?

Прочь из темницы
Куда зовет?

24 декабря 1907.

В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой:
Твой голос — только стон из хора,
Стон протяженный и глухой.

И испытать тебя мне надо:
Их много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаешь,
Ты смертью, может быть, умрешь.

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска — что мне до них?
Ты — только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого-ль достоин?
Смотри, как жалок ты и слаб,
Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!

И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!

25 мая 1908.

ПОЭТЫ.

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого недменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе-ж недоступно все это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908.

ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ.

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа сопутников моих,

Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути.

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908.

Старинные розы
Несу, одинок,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропою,
С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат,
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,

Сыщу я ночлег?
Лишь розы на талый
Падают снег,
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

4 ноября 1908.

МАДОННА.

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но Ты, Мария, вероломна...

Быть с девой—быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах, —
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией Ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытье...

Однако, братьям надоело
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Конец преданьям и туманам!
Теперь — во всех церквах Она
Равно — монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный,
Красы Божественной — поэт...
Он видит Твой необычайный,
Немеркнущий, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И Ты, Чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В Твою ласкающую высь!

12 июня 1909.

Искусство — ноша на плечах.
Зато, как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего Cinéma!
А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!

Июнь 1909.
Фолиньо.

УТРО В МОСКВЕ.

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидать.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро, как прелесть твоя.

Июль 1909.

ДВОЙНИК.

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот, в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты.
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?).

Вдруг вижу, — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,

Не снился ли мне он во сне?)
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909.

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольце — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви.

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою—

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909.

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ.

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он—немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...

А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа.

25 ноября 1909.

С мирным счастьем покончены счеты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот сквозь ночь пролетевший мотор.

11 февраля 1910.

НА ПАСХЕ.

В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новою гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертлявая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.

Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

18 апреля 1910.

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой.

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да все — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.

11 июля 1910.

КОМЕТА.

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь все тем же гласом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,

Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910.

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В об'ятья страшные! Чтоб долго длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молньи грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай — бездонной скуки ад.

Февраль 1912.

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточною верой?
Ведь, мгла — все мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912.

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастии твердишь,— который раз?

Что счастие? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастие? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон, и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно все! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912.

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь, или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912.

Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг.
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки!
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно шадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль — порываний нам довольно,
И лишь недуг — надежный щит?

29 декабря 1912.

В сыром ночном тумане
Все лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...

Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...

В сыром ночном тумане
На красный блеск огня
На алые герани
Направил я коня...

И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльем поросла...

И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прянул
Испуганный мой конь...

«О, друг, здесь цел не будешь,
«Скорей отсюда прочь!
«Доедешь — все забудешь,
«Забудешь — канешь в ночь!

«В тумане, да в бурьяне,
«Гляди, — продашь Христа
«За жадные герани
«За алые уста»!

Декабрь 1912.

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший все в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913

Все свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался «мукой ада»,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похвать, — а сердца нет.

Сердце — крашеный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913.

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделенье,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!

30 декабря 1913.

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
— Где деньги твои? — Снес в кабак.
— Где сердце? — Закинуто в омут.

— Чего ж тебе надо? — Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи смиренен,
А больше, мой друг, ничего.

— Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!
— Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...

И правда (ну, задал задачу!)
Гляжу — близ меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

30 декабря 1913.

Ты — буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты — серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох — странник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913.

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?

Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаяние — прочь!
Кто смеет мне помочь?

В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...

Все отойдет навек, настанет *никогда*,
Когда ты крикнешь: «Да!».

29 января 1914

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенье навсегда.

Тень скользит из за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Все равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвенье навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

7 февраля 1914.

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Все бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком—
Улыбается.

7 февраля 1914.

Весь день, как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, — а в глубине покорный:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда-ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!
Средь всяких прочих дум —
Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто, ночь на все проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись, — глядит в глаза пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет все равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914.

Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И оп'янят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, —

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914.

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А еслиб и были высокие
муки,—
Что нужды? — Я вижу печальное шествие
ночи.

Ведь, солнце, положенный круг обойдя,
закатилось.
Открой мои книги: там сказано все, что свер-
шится.
Да, был я пророком, пока это сердце моли-
лось,—
Молилось и пело тебя, но, ведь, ты — не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые об'ятья,—тащиться без важного дела...

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она все сильнее.
То ревность по дому, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: Что делаешь, делай
скорее.

21 февраля 1914.

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чем, — и сама не пойму...

Все гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вот лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!...

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Все-же кровь розовеет на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

15 марта 1914.

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

22 марта 1914.

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в об'ятия мои...

Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...

Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

14 мая 1914.

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца (поклонники Пушкина)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(Из Надсона и «символистов»).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушенный чужими духами.
Розы поставьте на стол,
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...

После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, громя «футуризм»,
«Символизмом» шпынял,
Заключив «реализмом».
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под вольмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Все было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный, —
Ничто, ничто
В мир возратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольнего мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — не лучше-ль,
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914.

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна верности... твоей.

1 июля 1914.

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

— Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..
— Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, все равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!

26 августа 1914.

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.

И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...

И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

31 августа 1914.

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо, — все мимо, мимо...
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

31 августа 1914.

Разлетясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.
Я пишу в моей келье Мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик Ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнекрасные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума все жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

31 августа 1914.

ЖЕНЩИНА.

Памяти Августа Стринберга.

Да, я изведала все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице.

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает все, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встретя,
Я в нем внимание прочла...

Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, —

И вдруг, с мучительным усильем,
Чуть слышно произносит он:
— О, не пугайтесь. Здесь в могиле
— Ребенок мой похоронен.

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;

А он, цветы передавая,
Сказал: — Букет забыли вы.

— Цветы я в память встречи с вами
— Ребенку вашему отдам...
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: —Они нужнее вам.

Да, я виновь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914.

АНТВЕРПЕН.

Пусть это время далеко,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но все — притворство, все — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914.

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сиянье Ее Лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914.

Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья Матерь улыбнулась
С красного угла.

Отложила молодица
Зимнюю кудель...
Поглядеть, как веселится
В улице апрель!

Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
Задышал туман.

И под ветром заметались
Кончики платка,

А прохожим примечтались
Алых два цветка.

И, кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у Бога,
И весна пришла.

25 декабря 1914.

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915.

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами. .

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнею
Все былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915.

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу,—
Все ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915.

ПЕРЕД СУДОМ.

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в об'ятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Все таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная... прости меня!

11 октября 1915.

Похоронят, зароют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далеко, высоко
На земле где то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там осень,
Если бурно — там значит весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

18 октября 1915

Милая девушка, что ты колдуешь
Черным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
Только — я здесь не при чем.

Знаю, что этой игрою опасной
Будешь ты многих пленять
Что превратишься из женщины страстной
В умную нежную мать.

Но, испытавши судьбы перемены, —
Сколько блаженств и потерь! —
Вновь ты родишься из розовой пены
Точно такой, как теперь.

9 декабря 1915

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915.

Говорят ЧЕРТИ:

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу чаруют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь все равно, очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час

Ты, в исступленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных нас.

И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915.

Говорит СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить Бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился—и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,

А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить Бога —
Уж он — не голос, только — стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

10 декабря 1915.

Превратила все в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв.
Вдруг припомнила все — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего то ждала,
Проклинала, спиной повернулась,
И, должно быть, на веки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916.

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет.

Как мне скинуть злую дрему,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916.

КОРШУН.

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
«Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та-ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916.

ДЕМОН.

Иди, иди за мной — покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный—
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,

Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?—

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой,—

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.

И онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры—
Невероятные виденья,
Создания моей игры.

Дрожа от страха и бессилья
Тогда шепнешь ты: отпусти...

И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту.

9 июня 1916.

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитать ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы.

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Все к далеким звездам унеслось.
И, к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволненьям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участья у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Голос из хора	5
Стучится тихо	7
В глубоких сумерках	8
Поэты	10
Забывшие Тебя	12
Старинные розы	14
Мадонна	16
Искусство — ноша на плечах	18
Утро в Москве	19
Двойник	20
Я ее победил, наконец	22
Сусальный ангел	24
С мирным счастьем	26
На Пасхе	27
Когда-то гордый	28
Комета	29
О, нет! Я не хочу	31
Сквозь серый дым	32
Миры летят	33
В небе — день	35
Мой бедный, мой далекий друг	36

Стр.

В сыром ночном тумане 37
Поглядите, вот бессильный. 39
Все свершилось по писаньям. 40
Когда невзначай в воскресенье 41
Пристал ко мне нищий 42
Ты — буйный зов 43
Вновь у себя 44
Старый, старый сон 45
Вновь богатый зол и рад 47
Весь день, как день 49
Как день, светла. 51
Ну, что же? Устало заломлены 53
Петербургские сумерки 55
Я гляжу на тебя. 56
Смычок запел 57
День проходил, как всегда 58
Я помню нежность ваших плеч 61
Ты жил один 62
Та жизнь прошла 63
Была ты всех ярче 64
Разлетясь по всему небосклону 65
Женщина 66
Антверпен. 69
Он занесен — сей жезл 71
Распушилась, раскачнулась 72
Протекли за годами года. 74
За горами, лесами 75

Стр.
Пусть я и жил, не любя. 76
Перед судом. 78
Похоронят, зароют глубоко. 80
Милая девушка 81
На улице — дождик и слякоть. 82
Говорят черти 83
Говорит смерть 85
Превратила все в шутку. 87
Дикий ветер 88
Коршун 90
Демон 91
Ты твердишь, что я холоден 94

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СТИХОТВОРЕНИЯ, книга I (готовится пятое издание).

СТИХОТВОРЕНИЯ, книга II (готовится пятое издание).

СТИХОТВОРЕНИЯ, книга III (печатается третье издание).

ТЕАТР (печатается четвертое издание).

ДВЕНАДЦАТЬ, поэма (печатается четвертое издание).

РОССИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, статьи (готовится третье издание).

КАТИЛИНА, очерк (готовится второе издание).

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ. Стихотворения. (1898—1903). Петербург, 1920, изд. З. Гржебина.

СЕДОЕ УТРО. Пятый сборник стихов (1907—1916). Петербург, 1920. Изд. «Алконост».

КАТАЛОГ

Книгоиздательства „АЛКОНОСТ".

АЛЕКСАНДР БЛОК.

„Соловьиный сад" *(распродано)*.

„Двенадцать", с рис. Ю. Анненкова (*2-е и 3-е изд. распродано*).

„Катилина" (*распродано*).

„Россия и Интеллигенция" *(2-е изд. распродано)*.

„Ямбы" Современные стихи.

„Песня Судьбы". Драматическая поэма.

„Седое Утро". Пятый сборник стихов.

„Рамзес". Картина жизни древнего Египта (*печатается*).

„Молнии искусства" (*готовится*).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.

„Христос Воскрес" (*распродано*).

„Королевна и Рыцари". Сказки.

„На перевале":

1. Кризис жизни (*распродано*).
2. Кризис мысли (*распродано*).
3. Кризис культуры.
4. Кризис слова (*готовится*).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.

„Младенчество“ (*распродано*).

„Прометей“. Трагедия.

„Человек“ (*готовится*).

„Скрябин“ (*готовится*).

„ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ“.

Журнал, посвящ. литературе и искусству, при участии Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Алексея Ремизова, Вс. Э. Мейерхольда, Надежды Павлович, Н. Шапошникова, Конст. Эрберга, Иванова-Разумника, Н. Э. Радлова, В. Зоргенфрея, М. В. Сабашниковой, М. О. Гершензона и др. (*№ 2 печатается*).

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ.

„Нет!“ Рассказы. Посмертн. изд. под ред. Вячеслава Иванова (*распродано*).

„Певучий осел“ (*готовится*).

„Лирическое в прозе и стихах“ (*готовится*).

АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВ.

„Записки Всеволода Николаевича“ (*распродано*).

ИВАНОВ-РАЗУМНИК.

„Александр Блок. Андрей Белый“ (*распродано*).

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

„Сибирский пряник“. Сказки.

„Электрон“.

„Царь Максимилиан“. Театр.

„Скрижали". Заветные сказы. Изд. по подписке (*печатается*).

„Крашеные рыла". Театр (*печатается*).

„Кавказский чурек". Сказки (*готовится*).

КОНСТ. ЭРБЕРГ.

„Цель творчества".

„Плен". Сборник стихов.

ВИКТОР ГЮГО.

„Легенда о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур". Перев. А. Кублицкой-Пиоттух с предисл. Александра Блока.

КОНРАД-ФЕРДИНАНД-МЕЙЕР.

Лирика. Перевод А. В. Луначарского.

ИСКУССТВО СТАРОЕ и НОВОЕ.

Сборник статей под ред. Конст. Эрберга (*печатается*).

ВЛ. ПЯСТ.

„Поэма в нонах" (*печатается*).

„Рукопись Хлябина" (*готовится*).

АННА РАДЛОВА.

„Корабли". Сборник стихов (*печатается*).

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ.

„Серафим" поэма (*печатается*).

В. ЗОРГЕНФРЕЙ.

Сборник стихов (*готовится*).

ВЛ. КНЯЖНИН.

Сборник стихов (*готовится*).

Ц. 200 Р.

PG 3453 B6S4
Blok, Aleksandr Aleksandrovich
Sedoe utro

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 09 02 07 010 1